

МЫ
НЕ ПРОСТО
ВЫЖИЛИ.
МЫ
НАУЧИЛИСЬ
ЖИТЬ.

СТАРЫЙ МИР
НЕ УМЕР.
ОН ПРОСТО
ЖДАЛ НАС.

ЭЛИОН

КАТЯ ВЕЙ

— ✦ —
РОМАН В ТРЁХ ЧАСТЯХ

КАТЯ ВЕЙ
ЭЛИОН

«Автор»

2026

ВЕЙ К.

ЭЛИОН / К. ВЕЙ — «Автор», 2026

Тысячу лет назад человечество изменилось за одну ночь. Люди не исчезли — они стали другими, забыв прежнюю жизнь. Теперь несколько человек находят Семя — источник системы, которая когда-то должна была спасти мир. Но Семя не даёт ответов. Оно задаёт вопросы. И героям предстоит решить, можно ли изменить прошлое, не повторив его главную ошибку: выбрать за других.

© ВЕЙ К., 2026

© Автор, 2026

КАТЯ ВЕЙ

ЭЛИОН

ЭЛИОН
КАТЯ ВЕЙ

Люди. Эльфы. Природа. Будущее.

Роман в трёх частях

Пролог. Краткая история конца света, рассказанная человеком, который в нём не участвовал

Прежде чем мы поднимемся на восемьдесят седьмой этаж башни «Меридиан», где будет сидеть на краю окна десятилетняя девочка, стоит сказать пару слов о мире, в который вы попали, потому что мир этот — не декорация, а полноправное действующее лицо, и, как всякое действующее лицо, он обидится, если его пропустят в титрах.

Тысячу лет назад на этой земле жило, по разным оценкам, около десяти миллиардов человек. Ели пиццу. Ссорились в очередях. Изобретали приложения для того, чтобы не разговаривать друг с другом лично, а потом жаловались, что стали одиноки. В общем, жили обычной человеческой жизнью, богатой на достижения и на глупости примерно в равной пропорции. А потом в одну ночь — не в одну эпоху, не за одно поколение, а буквально за одну ночь — почти всё изменилось. Люди не умерли. В этом, собственно, вся соль истории, которую вы прочитаете: никто никуда не делся. Просто внутри почти каждого человека что-то тихо щёлкнуло, как выключатель, и утром на планете проснулись уже не совсем люди — существа с острыми ушами, долгой памятью леса вместо короткой памяти городов и полным, абсолютным забвением того, кем они были накануне.

Меньшинство — по неизвестным причинам, о которых мы узнаем чуть позже, — этот щелчок не затронул полностью. Они остались людьми: смертными, вспыльчивыми, изобретательными, с короткой продолжительностью жизни и длинным списком претензий к мирозданию. Именно их потомки, тысячу лет спустя, будут прясть вьюн на восемьдесят седьмом этаже и чинить электрогитары в бывшем паркинге.

Прошла тысяча лет. Города заросли лесом. Лес научился светиться. И два народа — те, кто забыл, и те, кто помнил, — выстроили друг с другом хрупкое, во многом смешное и трогательное соседство, о котором эта книга, собственно, и будет.

Но обо всём по порядку. Начнём с дома.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОМ НА ВЫСОТЕ

Глава 1. Дом на 87-м этаже

Башня «Меридиан» когда-то была бизнес-центром класса А — так было написано на позеленевшей табличке у входа, и слово «класс» давно перестало что-либо значить, как, впрочем, и слово «бизнес». Единственным бизнесом посёлка, разросшегося внутри и вокруг башни за три поколения, была торговля мхом, вьюном, вяленой рыбой, деревянными инструментами и — куда же без неё — слухами, которые, в отличие от рыбы, никогда не портились, сколько бы дней их ни носили из дома в дом.

Посёлок звался просто — Меридиан, как и башня, хотя старики иногда называли его по старинке «Сорок Крыш», потому что когда-то, в первые годы после переселения, здесь стояло ровно сорок жилых надстроек на разных этажах. Теперь их было почти двести, и никто уже не считал.

Население Меридиана делилось — грубо, неофициально, но вполне ощутимо — на три группы. Люди, чьи предки не поддались Великому Исчезновению и сохранили короткую, но яркую человеческую жизнь. Эльфы, чьи предки этому Исчезновению поддались полностью и обрели долгую жизнь взамен памяти. И — особая, третья группа, немногочисленная, но крикливая — так называемые «Отделившиеся семьи»: люди, которые несколько поколений назад по разным причинам (обида, гордость, банальная несовместимость характеров с советом старейшин) ушли жить отдельной общиной на границу леса у реки, и теперь появлялись в Меридиане редко, обычно по большим праздникам или большим бедам. Экономика Меридиана держалась на трёх китах: мхе, который выращивали на балконах и который заменял и свет, и лекарства (растёртый в кашу светящийся мох неплохо затягивал раны, хотя знахарка тётушка Хава уверяла, что дело не в самом мхе, а в правильных словах, которые нужно при этом произносить, и категорически отказывалась делиться словами бесплатно); вьюне, из которого пряли верёвки, ткань и — в умелых руках — даже подобие бумаги; и находках Кая, которые формально к экономике не относились, но фактически были главной валютой мастерской: за один рабочий фонарь можно было выменять недельный запас рыбы, а за настоящую, работающую батарею — да что угодно, вплоть до трёхдневного молчания соседа, чей козёл каждое утро будил половину этажа.

Мира сидела на краю разбитого окна восемьдесят седьмого этажа и болтала ногами над пропастью, которая давно перестала быть пропастью в строгом смысле слова: внизу, где раньше гудели машины, теперь шумели кроны деревьев такой высоты, что их верхушки почти доставали до её ног.

— Опять сидишь на краю, — сказала мать, не поднимая головы от прялки.

Прялку звали Марфа — не потому, что у прялок принято давать имена, а потому, что бабушка Миры, смастерившая её полвека назад, дала имя каждому серьёзному инструменту в доме, будто члену семьи, и с тех пор традиция прижилась. Топор звали Гневом. Молоток — Молчуном, потому что бил, не говоря лишнего слова. А прялке досталось имя Марфа в честь бабушкиной соседки, которая скрипела так же однообразно, но, в отличие от прялки, ещё и жаловалась на жизнь.

— Я держусь, мам, — ответила Мира, не поворачиваясь.

— Ты держись за воздух. А у воздуха пальцев нет, он не удержит, если сорвёшься.

Мира тихо улыбнулась и отодвинулась на полшага вглубь, к полу, поросшему мхом настолько плотным, что он давно заменил все ковры Старого мира. Этаж превратился в уютный дом — с печью из обломков кирпичной стены (на одном кирпиче до сих пор угадывалось слово «АРЕНДА», и Кай называл это «самой честной шуткой судьбы за последнюю тысячу лет»), с гамаками между стальными балками, с грядкой светящихся мхов у окна, которые по вечерам отбрасывали на потолок нежный изумрудный свет.

У печи, на низкой скамье, сидел ещё один постоянный обитатель дома, о котором стоит сказать отдельно: дед Прохор, отец матери, семидесяти с лишним лет, глухой на одно ухо после того, как в молодости неудачно связался с найденным в руинах динамиком, и убеждённый, что все беды посёлка происходят от того, что «молодёжь разучилась квасить капусту правильно». Капуста у деда Прохора действительно получалась превосходная — секрет заключался, по его словам, в том, что нужно ругаться на неё во время закваски, и чем крепче ругань, тем ядрёнее выходит капуста. Мира несколько раз пыталась подслушать процесс и неизменно краснела до кончиков ушей. — Мам, а правда, что раньше здесь жило столько людей, что нельзя было сосчитать?

Стук прялки на мгновение замедлился.

— Правда, — сказала мать наконец. — Больше, чем листьев в этом океане крон.

— А куда они все делись? Почему остались только мы и эльфы?

— Спроси Лиора, — привычно ответила мать. — Он живёт здесь уже тысячу лет.

С печи донеслось насмешливое покашливание деда Прохора.

— Спроси-спроси, — проворчал он, не отрываясь от штопки старого сапога. — Лиор тебе тысячу лет будет отвечать загадками, а капусту у меня спросить забываешь. У капусты, между прочим, правды больше, чем у иного эльфа.

— Дед, при чём тут капуста, — вздохнула Мира, но улыбнулась.

— При том, что капуста не врёт. Скисла — значит скисла. А правда о Старом мире у нас в семье та же: она давно скисла, только никто не признаётся.

Мать бросила на отца предостерегающий взгляд, но тот лишь пожал плечами и вернулся к сапогу. В этом взгляде и в этом пожатии плечами была спрятана ещё одна маленькая семейная тайна, до которой Мира доберётся ещё очень нескоро.

Глава 2. Тэлан, каким его не видели с трибуны

На советах старейшин Тэлан был воплощённой грозой: серебряные волосы, прямая спина, голос, способный заставить замолчать даже самую шумную ссору из-за подвесного моста номер три. Но дома, в своём жилище на сто двенадцатом этаже — в самой высокой, самой уважаемой части башни, куда вела отдельная, украшенная резьбой лестница, — Тэлан по вечерам снимал церемониальный плащ, садился у окна и подолгу смотрел на далёкие серые зубья Старого города, торчащие среди зелени.

Его жена, тихая эльфийка по имени Сельвин, давно привыкла не задавать вопросов в такие вечера. Она знала: Тэлан не был злодеем — при всей резкости характера. Он был человеком (точнее, эльфом), который однажды, очень давно, потерял в неудачной вылазке к границе леса младшего сына, и с тех пор всякое напоминание о Старом мире, о его технике, о его подвалах и тайнах вызывало у него не гнев, а слепой, застарелый ужас, замаскированный под принципиальность.

— Опять смотришь на город, — сказала Сельвин, ставя на стол чашку травяного отвара.

— Он смотрит на меня в ответ, — глухо ответил Тэлан. — Уже тысячу лет.

Сельвин промолчала. За долгую жизнь она научилась узнавать этот взгляд — и знала, что разубеждать сейчас бесполезно.

Глава 3. Мастерская Кая и то, чем на самом деле кормится посёлок

Мастерская Кая находилась на нижних, уцелевших этажах соседнего здания — там, где когда-то располагался подземный паркинг. Здесь громоздились штабеля того, что Кай гордо именовал «наследием»: рулевые колёса без машин, гитары без струн, катушки медных проводов, потемневшие солнечные панели, подписанные его ровным почерком.

Но мастерская была не только складом старья. Она была, по сути, единственной мастерской-школой посёлка: сюда каждую вторую декаду приводили детей — и человеческих, и эльфийских, потому что в вопросах ремесла граница между народами стиралась быстрее всего. Кай учил всех подряд: как отличить медь от бронзы на ощупь, как плести из проволоки простейшие ловушки для рыбы, как разжечь огонь без спичек (спичек в посёлке не осталось вовсе — последний коробок сгорел на празднике Урожая три года назад, чему Кай до сих пор искренне огорчался, называя это «величайшей культурной утратой десятилетия»).

Среди его учеников выделялся один — долговязый эльфийский мальчишка по имени Финн, сын погибшего охотника, которого Кай негласно взял под своё крыло. Финн был неуклюж, вечно ронял инструменты, но обладал редким даром: он мог на слух определить, где в найденном механизме сломанная деталь, просто постучав по корпусу костяшкой пальца. Кай в шутку называл его «своим наследником», хотя сам был человеком, а Финн — эльфом, что в устах прочих жителей посёлка звучало бы почти скандально; Впрочем, в мастерской подобные границы никого не заботили.

Сегодня, впрочем, учеников не было — только Кай, разбиравший найденную электрогитару, и куры, забредшие на запах зерна.

— Ты опять разговариваешь с железом и деревом, — раздался от входа мягкий голос.

Аэлия стояла, прислонившись к дверному проёму, скрестив руки на груди.

— Это не просто дерево, Аэлия. Это гитара. Она помнит музыку.

— Ты гладишь её точно так же, как Лиор гладит кору Старейшего Древа перед сном.

— Ну извини, что я нежен с предметами. Может, предметы этого заслуживают больше, чем некоторые эльфы.

— Это ты сейчас о ком?

— Ни о ком. О некоторых эльфах вообще, в общем смысле, — Кай улыбнулся так невинно, что стало окончательно ясно: речь шла о Тэлане.

Аэлия была на голову выше него, с волосами цвета мокрой осенней листвы. Её семья — одна из самых уважаемых эльфийских линий посёлка, хранители трав и лесных троп — считала увлечение дочери «человеческим хламом» блажью, которую она перерастёт. Аэлии было без малого сто двадцать лет — почтенный, но по эльфийским меркам совершенно юный возраст, что-то вроде человеческих семнадцати, — и она перерастать ничего не собиралась.

— Знаешь, что странно, — сказала она, садясь на перевёрнутый бочонок из-под машинного масла. — Лиор третий день не выходит из своей рощи. На совет старейшин сегодня утром он снова не пришёл. Тэлан хмурился так, будто готов сам пойти и содрать с него кору.

— Между прочим, — Кай отложил наждачку, — на прошлой неделе совет старейшин заседал четыре часа, обсуждая, чья очередь чинить подвесной мост номер три. Четыре часа. За четыре часа я мог бы собрать три радиоприёмника.

— Радиоприёмники ловят тишину, Кай. Уже тысячу лет.

— Тишина тоже сигнал. Просто мы разучились её слушать.

Она хотела съязвить в ответ, но что-то в его тоне заставило её замолчать.

— Я была сегодня на рассвете у затопленной станции метро, — сказала она наконец. — Хотела достать те медные кабели, о которых ты просил.

— Достала?

— Достала кое-что другое.

Она полезла в сумку из плетёного вьюна и вытащила предмет размером с человеческую ладонь — абсолютно гладкий, тёмно-серый, без единой царапины.

Кай отложил инструмент.

— Что это за материал? Пластик? Металл?

— Не знаю. Но, Кай... оно светилось. Когда я подняла его из ила, в самом центре... оно пульсировало.

В мастерской стало тихо настолько, что было слышно, как в глубине паркинга падает капля воды. Даже куры застыли у входа.

— Через тысячу лет ни одно устройство не должно светиться само по себе, — медленно сказал Кай. — В нём давно должны были сгнить все батареи.

Глава 4. Тётушка Хава и наука о правильных словах

Маленькая комнатка на тридцатом этаже, где жила знахарка тётушка Хава — женщина неопределённого возраста (сама она утверждала, что ей «где-то между шестьюдесятью и вечностью»), — в это же утро тоже была не совсем спокойным местом. К Хаве сходилась весь посёлок: за лечением, советами и, чего греха таить, за той самой валютой слухов, которая ценилась не хуже рабочего фонаря.

Хава знала о посёлке больше, чем любой совет старейшин, потому что люди рассказывают знахарке то, чего никогда не скажут соседям: кто с кем поссорился, кто кого тайно любит, у кого какая хворь и, самое главное, кому что снится. А снилось в последние три ночи многим — не только Лиору.

— Мне снился огонь, — жаловалась ей в это утро молодая эльфийка Ирвен, растирая в ступке сушёные ягоды. — Огромный, до самого неба. И тишина после него — такая, что уши закладывает.

— И мне снился, — вздохнула Хава, не поднимая глаз от своих трав. — И деду Прохору, представь себе, снился, хотя он уже лет двадцать говорит, что снов не видит вовсе, только капусту.

— Что это значит?

— Это значит, дитя, что земля под нами вспоминает то, что мы забыли. А земля, когда вспоминает, обычно делится этим со всеми сразу — невежливо, никого не спрашивая.

Ирвен поёжилась.

— Тэлан говорит, что это дурной знак. Что скоро случится беда.

— Тэлан тридцать лет говорит, что скоро случится беда, — фыркнула Хава. — Беда — его любимое блюдо, он его ест на завтрак, обед и ужин. А ты лучше вот что мне скажи: капусту не пробовала у деда Прохора в этом году? Говорят, небывало ядрёная вышла.

Ирвен кивнула, хотя мысли её были заняты вовсе не капустой.

Глава 5. Хранитель леса и три бессонные ночи

Роща Лиора начиналась там, где заканчивались все известные тропы посёлка. Деревья здесь стояли гуще, стволы — шириной с жилую комнату, а свет приобретал цвет топлёного золота.

Местные дети рассказывали друг другу, что в роще Лиора время течёт по-другому. Это, разумеется, была чушь: Кай специально проверял по солнечным часам собственной конструкции, и разница составила ровно ноль минут. Но легенда всё равно жила.

Лиор не покидал этого места веками. Он был первым, кого встретили предки Кая и Миры, выйдя из подземных убежищ; он же оставался последним, к кому обращались за советом.

Сегодня хранитель сидел у корней Старейшего Древа. Лиор не выходил к людям и эльфам три дня — потому что три ночи подряд ему снился один и тот же сон: не война, не пожар, а плотная, неправильная тишина. Та самая, что предшествовала роковой ночи тысячу лет назад.

Когда за его спиной сухо хрустнула ветка папоротника, Лиор даже не обернулся.

— Лиор, — голос Аэлии прозвучал непривычно натянуто. — Нам нужно тебе кое-что показать.

— Я знаю, — прервал её Лиор, медленно поворачиваясь. — Забытое прошлое решило заговорить снова, верно?

— Откуда ты... — Потому что мне снилось это устройство три ночи подряд, дитя леса. И, кажется, не мне одному — сегодня утром Ирвен рассказывала то же самое тётушке Хаве, а старый глухой Прохор впервые за двадцать лет вспомнил, что ему вообще что-то снится. Веди меня к Каю.

Глава 6. Находка в затопленном метро

Затопленная станция метро когда-то называлась «Проспект Строителей». Вода стояла в тоннелях неподвижно уже десять столетий, превратившись в чёрные озёра, где плавали слепые рыбы — по слухам, вкусные, если знать правильный рецепт; рецепт знал только старик Гаврило из отделившихся семей, и он упорно не делился секретом.

Стены здесь были покрыты странным белым налётом, горячим на ощупь.

— Здесь, — Аэлия остановилась у массивной стальной двери. — Эта дверь была приоткрыта на ладонь.

Лиор провёл пальцами по ржавому металлу и на мгновение зажмурился.

— Здесь нет векового сна, — прошептал он. — В этой комнате время застыло.

С усилием Кай и Аэлия навалились на дверь. За ней открылось помещение, будто выпавшее из потока времени: ни пыли, ни влаги, ни ила. Стены увешаны погасшими экранами, а в центре, на металлическом столе, лежал десяток гладких предметов.

Кай сделал шаг вперёд и замер. На главной панели пульсировала тонкая алая полоска света.

Под ней, на латунной пластине, была выгравирована надпись:

— «Институт Симбиоза. Проект „Семя“. Доступ уровня Альфа».

— Лиор... Ты видел это место раньше?

— Видел, — отозвался он так тихо, что его едва было слышно. — В ту самую ночь, когда мир, который вы знаете по фотографиям, сгорел за несколько часов.

Глава 7. Устройство, которое не должно светиться

Они не решились трогать остальные артефакты. Кай зарисовал расположение тумблеров и запер дверь. Но первый предмет забрали с собой.

Вернувшись в мастерскую, они положили тёмный брусок на верстак — рядом с разобранной гитарой.

— Дай мне пару часов, — Кай уже тянулся к отвёрткам.

— Не трогай его железом, Кай, — остановил его Лиор. — Это не просто машина.

Эльф опустил ладонь над устройством, не касаясь его. Алая полоска вдруг дёрнулась, сменила цвет на изумрудный и вспыхнула вдвое ярче.

— Оно чувствует тебя! — выдохнула Аэлия.

— Оно чувствует не меня, — качнул головой Лиор, и в его глазах Кай прочёл настоящий страх. — Оно узнало мой биологический код. Код тех, кто присутствовал при Великом Исчезновении.

Кай отшатнулся:

— Ты был там, в Старом городе, когда люди исчезли?

— Я поклялся никому и никогда не рассказывать о том, что произошло в ту ночь. Я дал клятву не людям. И не эльфам.

— Кому же тогда?

— Памяти тех, кто не смог проснуться. Но, кажется, моё молчание больше ничего не защищает.

Глава 8. Разговор со старейшинами и первая ложь во спасение

Совет старейшин собирался на вершине башни, в кроне Старейшего Дерева. В этот вечер Лиор впервые за долгое время пришёл сам, неся артефакт, завернутый в лист морёного папоротника.

Среди собравшихся, кроме Тэлана и матери Миры, оказался в этот день и Богдан — бывший староста отделившихся семей, случайно задержавшийся в Меридиане по торговым делам. А в дальнем углу тихо сидела Ирвен, не сводя с артефакта в руках Лиора глаз — она уже видела нечто подобное во сне, и теперь узнавание читалось на её лице без всяких слов.

— Ты решил почтить нас своим присутствием, Лиор, — с лёгкой желчью проговорил Тэлан.

— Угодья у реки подождут, Тэлан, — спокойно ответил Лиор и развернул папоротник.

Изумрудно-алый свет озарил лица собравшихся.

— Мы нашли то, что должно было истлеть тысячу лет назад, — произнёс Лиор. — И настало время рассказать вам то, что я скрывал дольше, чем живут ваши отцы и деды.

— Что это за дьявольская игрушка Старого мира? — поднялся Тэлан. — Мы поклялись не тащить в наш чистый дом проклятые механизмы тех, кто отравил землю!

— В ночь Великого Исчезновения я был не просто наблюдателем, — громко проговорил Лиор. — Я видел, как рушился прежний мир. И это была не просто катастрофа. Это был осознанный выбор.

— Чей выбор? — подалась вперёд мать Миры.

— Правда куда сложнее и страшнее, — ответил Лиор. — И если мы попытаемся вскрыть этот артефакт, эта правда обрушится на наш посёлок. Вы готовы узнать, кто мы такие на самом деле?

Богдан, до этого молчавший в углу, неожиданно подал голос — хриловатый, привыкший командовать людьми у реки:

— А отделившиеся семьи об этом узнают? Или, как обычно, последними?

Никто ему не ответил. Лиор лишь коротко склонил голову — не то в знак согласия, не то в знак того, что вопрос принят к сведению и когда-нибудь получит ответ.

Тэлан сделал шаг к центру круга:

— Тогда пусть эта штука будет уничтожена! Сбросьте её с восьмидесят седьмого этажа в пропасть!

— Потому что пепел уже прогорел, Тэлан, — тихо ответил Лиор. — И из-под него пробивается пламя.

Глава 9. Сумрак чувствует раньше всех

Волк Сумрак был особенным зверем. Когда Мира, будучи совсем маленькой, притащила в дом слепой пушистый комок, никто не верил, что он выживет. Но девочка выкормила его подслащённым соком светящихся лоз и оленьим молоком, а дед Прохор, ворча, что «в доме и так сплошной зверинец», втайне баловал волчонка обрезками вяленой рыбы.

Выросши, Сумрак достиг размеров крупного телёнка. Он стал общим любимцем и негласным защитником посёлка — дети сбегались смотреть, как он играет с котятками тётушки Хавы, ни разу не причинив им вреда, хотя одним движением челюстей мог бы решить исход любой драки в свою пользу. Но той ночью зверь изменился.

Когда Кай и Аэлия попытались подойти к нему на подвесном мостике, волк глухо зарычал, отступил и, совершив гигантский прыжок через перила, приземлился на ветвь Старейшего Дерева, а оттуда устремился вниз — к подножию башни, к мёртвому бетону и заброшенным тоннелям.

Мира проснулась рано утром от того, что её постель была холодной — волк обычно спал у её ног. Не найдя его в комнате, она оделась и побежала вниз по крученым лестницам, мимо квартиры тётушки Хавы (та уже не спала и провожала девочку встревоженным взглядом из окна), мимо мастерской Кая, где горел одинокий огонёк — сам хозяин так и не ложился в эту ночь.

Она нашла Сумрака на нулевом уровне. Волк сидел у самого края обрушенного эскалатора, лапы глубоко ушли в сырую землю, а ошейник продолжал пульсировать сбоящим изумрудным светом.

— Сумрак? Милый, ты чего здесь? Пошли домой, мама лепёшки печёт...

Волк медленно повернул к ней морду. В его янтарных глазах не было бешенства. В них стояли самые настоящие слёзы, а зрачки были расширены от дикого ужаса. Он смотрел не на неё — он смотрел сквозь землю, туда, в глубину тоннелей, будто слышал зов, от которого у него разрывалось сердце.

Глава 10. Решение идти вниз

К полудню около мастерской Кая собралась плотная толпа. Новость о находке и трёхдневном молчании Лиора разнеслась по посёлку со скоростью лесного пожара — а если точнее, то со скоростью тётушки Хавы, которая, к чести своей, ничего не выдумывала, а лишь честно пересказывала то, что видела своими глазами по пути от роши Лиора к своей комнатке на тридцатом этаже.

Тэлан пришёл в сопровождении троих вооружённых луками эльфов.

— Выключи это, Кай! — потребовал он. — Вы будите спящих демонов!

— Это не отравы, Тэлан! — выбежала вперёд Аэлия. — Это наша история!

— Некоторые знания несут только смерть! — отрезал Тэлан.

— Или спасение, — раздался от дверей сухой, властный голос Лиора.

— Тэлан прав в одном: там, внизу, нас не ждёт лёгкая прогулка, — сказал хранитель. — Но Аэлия права в главном: тишина, в которой мы жили тысячу лет, была не миром, а лишь затянувшейся паузой. И эта пауза закончилась.

— Я пойду сам, — ответил Лиор. — С теми, кто готов узнать правду.

— Я иду с тобой, — мгновенно отозвался Кай. — И я, — сказала Аэлия.

Из-за спин взрослых протиснулась Мира, а за ней, тяжело дыша, ступил белый волк.

— Я тоже иду, — твёрдо сказала десятилетняя девочка. — Сумрак показывает дорогу. И... я хочу увидеть настоящий Старый город.

Мать хотела было схватить дочь за плечо, но Лиор посмотрел на неё с такой печалью, что та бессильно опустила руки.

Из толпы, неожиданно для многих, выступил вперёд Богдан — тот самый гость с реки.

— Раз уж вы всё равно идёте искать правду, — прогудел он, — мы, отделившиеся, тоже хотим своих людей туда отправить. С нас хватит узнавать новости последними.

Тэлан промолчал. Он лишь смотрел вслед уходящей делегации, пока последняя фигура не скрылась за поворотом лестницы, а затем повернулся и зашагал прочь — не к своему дому на сто двенадцатом этаже, а в противоположную сторону, туда, где жили Ронвель и его люди.

[Продолжение следует: в следующей части — спуск в Старый город, подземный музыкальный клуб, тайна Программы «Семя», и то, что Тэлан предпримет, пока экспедиция будет в пути]

Глава 11. Праздник Урожая, или Как посёлок танцует за день до конца привычного мира

Экспедиция должна была выйти на рассвете. Но у Меридиана, как у всякого живого организма, были свои неписанные законы, и один из них гласил: даже если завтра случится конец света, сегодня вечером всё равно будет Праздник Урожая, потому что выюн уже собран, рыба навялена, а козёл соседа наконец-то на один вечер замолчит, объевшись оставшейся с лета брагой из перебродившего сока лоз, которую ему втихую скармливали местные подростки в качестве многолетней традиции.

Праздник Урожая справляли на пятидесятом этаже — единственном во всей башне, где перекрытия были достаточно широкими и достаточно прочными, чтобы вместить сразу два народа, четыре козы, четырнадцать факелов и одного волка, временно забывшего о своей тревоге ради миски печёной тыквы (тыкву, к слову, вывели из полудиких остатков старых огородных сортов, и она давно превратилась в местный деликатес размером с хорошую бочку).

Тётушка Хава, как всегда, заведовала главным столом — не потому, что была лучшей поварихой посёлка (таковой негласно считалась соседка Аграфена, чьи лепёшки на выюновом масле снились людям неделями), а потому, что только Хава умела так расставить угощения, чтобы за столом ни разу не пересеклись поругавшиеся соседи. Это было отдельное, никем не признанное, но абсолютно реальное искусство дипломатии, которому позавидовал бы любой совет старейшин.

— Опять ты плюшки к дальнему концу поставила, — проворчал дед Прохор, протискиваясь к столу.

— Потому что рядом с плюшками сидит вдова Гликерия, а ты с ней третий год не разговариваешь из-за козы, — невозмутимо ответила Хава.

— Так коза-то её ко мне в огород лазила!

— А ты её за это гонял метлой по всей улице, и весь посёлок над вами полгода смеялся. Мир, дед Прохор, дороже принципов.

Дед Прохор что-то проворчал про капусту, которая, в отличие от людей, никогда не лезет в чужой огород, и отошёл к дальнему концу стола — впрочем, не забыв прихватить плюшку.

На середине этажа, там, где перекрытия были расчищены под танцевальную площадку, собирался оркестр — если это громкое слово вообще применимо к трём инструментам и

одному энтузиасту. Кай, разумеется, был среди них — на этот раз не с чинённой электрогитарой (для неё пока не нашлось подходящей батареи, способной пережить праздничную ночь), а с обычной, деревянной, доставшейся от деда его ученика Финна. Финн отбивал ритм на самодельном барабане из бочки, безбожно путая такт, но с таким искренним удовольствием, что никто не решался его поправить. Третьим был старый Гаврило с реки — тот самый хранитель секретного рыбного рецепта, — который неожиданно оказался виртуозом на костяной свирели и явно наслаждался всеобщим изумлением по этому поводу.

— Гаврило, ты рецепт рыбы дашь наконец или так и помрёшь со свирелью в зубах, унося тайну в могилу? — крикнул кто-то из толпы.

— Помру! — весело откликнулся старик, не переставая играть. — Рецепт свирели, так и быть, отдам внукам. А рыба — моя!

Смех прокатился по этажу. Глядя на танцующих людей и эльфов вперемешку, на детей, гоняющихся друг за другом между факелами, на деда Прохора, украдкой сующего плюшку недовольной вдове Гликерии, легко было забыть, что где-то под этой самой землёй лежит завернутый в тряпку тёмный брусок, всё ещё пульсирующий алым.

Аэлия стояла чуть в стороне, наблюдая за танцем, когда к ней подошла Ирвен.

— Завтра вы уходите, — сказала эльфийка не то с вопросом, не то с сожалением.

— Завтра.

— Мне страшно за вас. Мне вообще стало страшно в последние дни — впервые за всю мою жизнь, а я, между прочим, прожила уже сто двадцать лет, из них сто без единого страшного сна.

— Знаешь, что мне сказал Лиор? — Аэлия улыбнулась, хотя улыбка получилась грустной. — Что страх — это просто память, которая наконец решила проснуться. Может, и твой сон — не предвестие беды, а что-то, что твоё тело помнит из тех времён, когда оно ещё было человеческим.

Ирвен вздрогнула — эта мысль явно никогда не приходила ей в голову, и, судя по лицу, пугала едва ли не больше самого страшного сна.

Тем временем в другом конце этажа, вдали от музыки, Тэлан стоял у окна вместе с Ронвелем — одним из своих людей, отвечавших за охрану верхних мостов. Праздник его не радовал.

— Гонец готов? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— Готов, Тэлан. Дойдёт до реки к утру.

— Пусть передаст отделившимся семьям то, о чём мы говорили. Если Лиор и его свита принесут из города беду, я не хочу, чтобы наш народ узнал об этом последним.

— А если они не найдут ничего страшного? — Ронвель замаялся. — Если это просто старая машина, ничего больше?

— Тогда я буду только рад ошибиться, — ответил Тэлан, и в его голосе прозвучала не злоба, а неподдельная, застарелая усталость. — Но я не проживу тысячу лет спокойствия только для того, чтобы на старости лет узнать: оно было построено на песке, а мой сын погиб, охраняя песчаный замок. Праздник же тем временем набирал силу. В какой-то момент кто-то — по общей версии, дед Прохор, хотя сам он это категорически отрицал до конца своих дней, — предложил устроить традиционное состязание «Кто дальше плюнет вишнёвую косточку с балкона», и следующие полчаса даже самые серьёзные жители посёлка, включая мать Миры, увлечённо мерили полёт косточек шагами, споря о честности замера.

Мира танцевала до упаду вместе с Финном, оба то и дело сбиваясь с ритма барабана, но искренне этому радуясь. Сумрак сидел рядом со сценой, положив морду на лапы, и время от времени тревожно поглядывал в сторону, туда, где под полом башни начиналась тьма подземных тоннелей — единственное существо на празднике, которое ни на минуту не забывало о завтрашнем дне.

Кай, отложив на минуту гитару, подсел к Лиору, который весь вечер простоял у дальней стены, не участвуя в общем веселье.

— Не танцуешь?

— Я танцевал последний раз четыреста лет назад, — усмехнулся хранитель. — На свадьбе твоего... — он замялся, будто хотел сказать что-то другое, но передумал, — на одной свадьбе, очень давно.

— Хочешь, научу заново? Разучился, наверное, за четыреста лет.

— Не сегодня, Кай. Сегодня я просто хочу посмотреть, как танцует посёлок, который завтра, возможно, никогда больше не будет прежним.

Праздник закончился далеко за полночь — под конец даже Тэлан со своими людьми молча вернулся к общему столу, будто на один вечер решил дать своим страхам передышку, а музыканты, окончательно сбившись со всех возможных тактов, доиграли последнюю мелодию уже почти шёпотом, чтобы не разбудить уснувших на руках у родителей детей.

А на рассвете, как и было решено, пятеро путников — считая волка — вышли из ворот башни туда, где начинался мёртвый асфальт Старого города.

Глава 12. Спуск в Старый город

Идти решили не по затопленным тоннелям метро — Лиор настоял, чтобы первую часть пути они проделали поверху, через руины. Он утвердительно заявил, что в подземных коммуникациях сейчас может быть слишком нестабильный «фон», не объяснив, впрочем, что именно имеет в виду под этим словом; Кай, шедший рядом, минут десять пытался вывести значение термина, но добился только того, что Лиор с полной серьёзностью предложил ему считать это «эльфийской метеорологией» — наукой не менее точной, чем человеческая, просто измеряющей другие вещи.

Старый город открывался перед ними во всём своём жутком и величественном молчании. Первые несколько километров лес ещё пытался бороться с бетоном: из окон вторых и третьих этажей свисали гирлянды дикого винограда, сквозь трещины в асфальте пробивались молоденькие берёзки. Но чем ближе они подбирались к центру, тем сильнее бетон брал верх над зеленью.

Здесь деревья расступались, уступая место гигантским каменным ущельям улиц. На перекрёстках громоздились ржавые остовы автомобилей, намертво сцепленные в вечных заторах — Кай, проходя мимо одной особенно живописной груды металла, не удержался и с самым серьёзным видом произнёс: «Вот она, знаменитая пробка Старого мира. Тысяча лет — а всё стоят, бедолаги, никуда не едут», за что получил от Аэлии подзатыльник и от Миры — залихватистый смех, разрядивший тяжёлую тишину развалин лучше любых слов утешения.

Мира шла впереди, держась за густую шерсть Сумрака.

— Кай, смотри! — шептала она, указывая на выцветший щит на высоте десятого этажа, где изображена была улыбающаяся семья в ярко-жёлтых одеждах. — Они выглядят такими счастливыми. Они совсем как мы!

— Они и были как мы, Мира, — тихо ответил Кай. — Только их было в миллион раз больше.

Лиор шёл замыкающим, и с каждым шагом вглубь мёртвого мегаполиса его плечи опускались всё ниже, будто на них давил невидимый груз. Аэлия заметила, как хранитель всматривается в каждый перекрёсток, будто узнавая места, где тысячи лет назад звучал смех и кипела жизнь. К полудню они вышли на гигантскую площадь. В самом её центре возвышалось здание — монолитный куб из тёмно-серого гранита без единого окна на нижних этажах.

— Мы пришли, — Кай сверился с проекцией прибора. — Точка на карте указывает прямо под фундамент этого здания.

Лиор остановился у подножия гранитной лестницы и поднял глаза на выцветшую надпись над главным входом:

— Это Главный корпус Института Симбиоза, — произнёс он. — Именно отсюда тысячу лет назад начался отсчёт новой эпохи.

Глава 13. Клуб под землёй

Вход внутрь здания был намертво завален. Целый час они обходили куб по периметру, пока Сумрак не начал отчаянно разгребать лапами кучу мусора у решётки вентиляционной шахты.

— Здесь! — Кай опустился на колени, подсвечивая щель фонарём. — Бетонная плита просела, но за ней есть ход.

Один за другим они втиснулись в узкий лаз и, преодолев метры осыпающейся вентиляции, спустились по ржавой лестнице в пространство, никак не похожее на строгие лаборатории учёных: огромный, двухъярусный подземный зал с кожаными диванами, превратившимися в труху, покосившейся барной стойкой и завалившейся набок сценой.

— Это же... подземный музыкальный клуб, — выдохнул Кай, трогая пальцами медную струну, торчащую из разбитого комбика. — Настоящий клуб!

— Не просто клуб, — поправил Лиор. — Это было бомбоубежище, переоборудованное под заведение для молодёжи. Когда на поверхности начались первые сбои, сотни людей бежали сюда, под землю.

Мира осторожно подошла к сцене. Там, среди обломков микрофонных стоек, лежало устройство, похожее на то, что нашла Аэлия, но крупнее, горящее ровным синеватым светом.

Кай коснулся сенсорной панели.

Зал заполнился треском статики. Из сохранившихся колонок прорвался женский голос — искажённый, но четкий:

— «...Запись номер сорок семь. Если кто-то слышит этот аудиопrotocol... Программа „Семя“ была запущена сегодня в 03:00 ночи. Мы не рассчитали мощность импульса. Мы хотели спасти биосферу Земли, мы хотели дать человечеству новый вид... но мы не спросили их согласия. Простите нас...»

Звук оборвался щелчком. Подземный клуб снова погрузился в звенящую тишину. [Продолжение следует: Лиор наконец расскажет всю правду о Великом Исчезновении, Кай узнает мелодию своего детства, а тем временем гонец Тэлана достигнет реки]

Глава 14. Колыбельная

Эхо женского голоса из записи ещё долго висело под сводами подземного клуба, а никто из четверых не спешил его нарушить. Мира стояла у сцены, вцепившись в шерсть Сумрака. Волк не рычал и не скулил — он просто застыл, как каменный, глядя на угасшую панель.

Аэлия первой нашла в себе силы заговорить.

— «Программа „Семя“... «Мы хотели дать человечеству новый вид»... Лиор. Что это значит?

Лиор не ответил. Он смотрел на разбитый проигрыватель у края сцены — на ту самую бобину с плёнкой, которую Кай тронул чуть раньше и отложил, не додумав. Теперь Кай снова подошёл к аппарату и осторожно крутанул маховик вручную, потому что молчание давило сильнее любого звука, а тишина в этом месте, кажется, была последним, чего им всем сейчас хотелось.

Из встроенного динамика вырвался слабый, прерывистый звук. Чистая, невероятно простая колыбельная мелодия, сыгранная на одинокой акустической гитаре.

Кай застыл. Он знал эту мелодию. Не приблизительно, не «что-то похожее», а именно её, ноту в ноту — так, как знают вещь, которую слышали тысячу раз в темноте, засыпая, ещё до того, как научились разбирать слова.

— Кай? — тревожно позвала Аэлия. — Что с тобой?

— Эту песню пела мне мать, — сказал он не сразу, будто пробуя слова на вкус и не веря им. — А ей — её отец. Наш род хранил эту мелодию десять поколений. Мы думали, это просто семейная напевка, без слов, без названия. Просто то, что поют перед сном.

Он поднял взгляд на Лиора.

— Мой прадед был здесь? В этом клубе?

Лиор долго молчал, вглядываясь в лицо Кая — в разлёт бровей, в упрямый подбородок.

— В ту ночь, — сказал он наконец, — из этого зала вырвалась горстка людей. Их вёл молодой музыкант с гитарой за плечом. Они успели закрыться защитными экранами до того, как импульс накрыл город целиком — он лишь слегка задел их, забрал часть технологии, но оставил человеческую суть и память. Они ушли на седьмой этаж «Меридиана» и стали первыми из вашего человеческого рода.

Кай медленно опустился на край сцены. Он не плакал — просто сидел, глядя в одну точку, будто десять поколений семейной колыбельной вдруг обрели вес, который нужно было ещё научиться нести. Мира тихо подошла и села рядом, прижавшись плечом к его плечу. Она не знала, что сказать, и не пыталась. Иногда достаточно просто сидеть рядом.

— Лиор, — снова заговорила Аэлия, уже тише. — Расскажи нам всё. Не по кускам. Мы прошли через мёртвый город не за загадками.

Хранитель опустился на перевёрнутый бочонок — так же, как когда-то Аэлия в мастерской Кая, будто эта поза сама по себе была позой признания.

— Мы, эльфы, существовали и до той ночи, — начал он. — Но нас было мало. Мы жили в глубоких лесах, скрываясь от дыма и машин. Вы, люди, считали нас сказкой.

— Легендой, — тихо поправил Кай, не поднимая головы.

— Пусть легендой. Но учёные из этого Института нас нашли.

— Как? — спросила Аэлия. — Вы же прятались веками.

— Не знаю, — качнул головой Лиор. — Меня тогда ещё не было среди тех, кто вёл с ними дела. Знаю только, что однажды в лесу появились чужие люди с приборами, и с этого дня наш народ перестал быть тайной.

— И что они хотели? — Кай наконец поднял взгляд.

— Изучить нас. Нашу кровь, наши тела. — Лиор помолчал, будто подбирая слова, которые не звучали бы как оправдание. — Они поняли, что мы не боеем их болезнями. Что живём столетиями. Что чувствуем то, что растёт вокруг, будто наши тела с рождения настроены на одну частоту с лесом.

— Настроены, — повторила Мира. — Как это?

— Как радиоприёмник, который наконец поймал сигнал, а не тишину, — Лиор слабо улыбнулся ей, впервые за вечер. — Мне нравится это сравнение Кая, хоть я и не всё в нём понимаю.

— А Старый мир? — не выдержала Аэлия. — При чём здесь он?

— Он умирал, — ответил Лиор. — Не от нас — от самого себя: от собственных отходов, от собственных войн. И кто-то в этом Институте решил, что раз наши тела умеют жить в согласии с землёй, а ваши — нет, значит, нужно сделать все тела такими же.

— Всё человечество? — Кай медленно выдохнул. — Разом?

— Разом, — подтвердил Лиор. — Одним импульсом. Био-волновым — так это называлось в записях, которые я видел позже. Не оружием. Сигналом. Тем же самым, каким сегодня меняют семя, чтобы оно проросло в засуху, только вместо семени была кровь миллиардов людей.

Он замолчал, и в этом молчании было куда больше, чем в любых объяснённых словах.

— И он сработал, — тихо закончила за него Аэлия. — Раз мы здесь. — Он сработал. И он же забрал память. Те, кто выжил, проснулись под кронами с острыми ушами и новой связью с лесом — не помня ни заводов, ни городов, ни собственных имён из прошлой жизни.

— Почему именно память? — тихо спросил Кай. — Если они хотели просто изменить тело, зачем стирать разум?

Лиор долго молчал.

— Не знаю, — сказал он наконец, и в этом признании было куда больше горечи, чем во всём, что он говорил до этого. — Тысячу лет я думал, что это было частью замысла — цена, которую заплатили сознательно. Но с той самой ночи в записи в этой комнате я слышал слово «ошибка» чаще, чем слово «план». Может быть, стереть память вообще не входило в их намерения. Может быть, это то, что сломалось.

Тишина в зале стала совсем другой — не выжидательной, а тяжёлой, как будто воздух и сам хотел, чтобы его не тревожили.

Аэлия смотрела на свои руки — на длинные пальцы, на светлую кожу — и что-то в её лице медленно рушилось, как рушится дом, который всю жизнь считали построенным на камне, а он, оказывается, стоял на воде.

— Значит, «исконных эльфов» никогда не было, — сказала она наконец. — Мы все — переделанные вы.

— Или вы все — несостоявшиеся мы, — тихо возразил Лиор. — Смотри с какой стороны считать. Никто не ответил. Фраза повисла в воздухе и осталась там — слишком большая, чтобы её можно было принять или опровергнуть за один вечер, за одну главу чьей-то жизни. Вы не вымерли, люди. Вы просто стали ими. А они — просто остались вами, только забыли об этом.

Мира подняла голову.

— А почему тогда не все стали эльфами? Почему остались люди?

— Импульс не был совершенен, — ответил хранитель. — Часть людей оказалась в этот момент под защитой — толстые стены, экранированные подвалы, случайность. Их тела получили лишь долю сигнала: достаточно, чтобы что-то в них изменилось навсегда, но недостаточно, чтобы стереть память и перестроить кровь целиком. Твой прадед, Кай, спасся именно так. Он не убежал от импульса — импульс его почти не тронул.

— «Почти», — повторил Кай. — Что значит «почти»?

Лиор не успел ответить. Мира вдруг вздрогнула — на долю секунды раньше, чем Сумрак вскинул голову, — будто что-то тонкое и почти неслышное коснулось её прежде, чем волк успел зарычать. Она сама не поняла, что это было: не звук, а скорее ощущение звука, прошедшее сквозь неё, как холодок по коже. А затем Сумрак глухо, утробно зарычал — не на людей, не на эльфов, а в сторону тёмного коридора за барной стойкой, откуда доносился едва слышный, тонкий звук — не механический скрежет, а что-то похожее на пение, вплетённое в шелест, будто где-то там, в темноте, спал ещё не проснувшийся ветер.

— Что это? — Аэлия резко поднялась.

Мира промолчала. Никто не заметил, что она вздрогнула раньше волка, и она сама не собиралась об этом рассказывать — не потому, что боялась, а потому, что не знала, как объяснить то, чему не было названия.

Лиор медленно повернул голову туда же, куда смотрел волк, и на его лице впервые за весь разговор проступило не сожаление, а настоящая, ничем не прикрытая тревога.

— Это оттуда же, — тихо сказал он, — куда всё это время шёл сигнал. Мы ещё не дошли до конца, дети. Мы только дошли до первой двери.

Глава 15. Ночь на сцене

Идти дальше в ту ночь не было сил ни у кого — не физических, а тех самых, которые кончаются быстрее, чем ноги. Лиор молча кивнул на сцену, будто это было самое естественное решение на свете: заночевать среди обломков микрофонных стоек, там, где тысячу лет назад звучала музыка для живых людей, а теперь звучала запись голоса, которого давно не стало.

Мира уснула первой, свернувшись калачиком у тёплого бока Сумрака — тот, устав тревожиться, тоже наконец задремал, то и дело подёргивая лапами, будто во сне продолжал бежать

за кем-то по тёмным коридорам. Лиор сидел чуть в стороне, привалившись спиной к остоу колонки, и, кажется, тоже спал — хотя с хранителем леса никогда нельзя было сказать наверняка: закрытые глаза у него иногда означали сон, а иногда — просто нежелание отвечать на вопросы ещё какое-то время.

Кай и Аэлия остались вдвоём у края сцены — не потому, что так сложились обстоятельства, а потому, что обоим было одинаково не по себе засыпать сразу после того, как рухнул весь понятный им мир.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказала Аэлия, глядя в темноту зала. — Я весь этот год слушала, как ты рассказываешь про Старый мир, про людей, про то, какими они были. И мне казалось — это твоя история, не моя. Я слушала как гостя. А теперь оказывается, что это моя история тоже. Просто я забыла её первой.

Кай не сразу нашёл, что ответить. Он вертел в руках маленький кусок медной проволоки — не потому, что собирался что-то из неё сделать, а потому, что рукам нужно было чем-то заниматься, пока голова пыталась уложить в себя события вечера.

— А мне кажется странным другое, — сказал он наконец. — Всю жизнь я гордился тем, что мой род — люди, которые не поддались. Которые сохранили себя. А теперь выходит, что мы не сохранили себя — нас просто не долечили. Мой прадед — не герой, который выстоял. Он — недоделанный эльф.

— Не говори так.

— А как говорить? — Кай впервые за вечер повысил голос, и Лиор у колонки, кажется, слегка пошевелился, хотя глаз не открыл. — Аэлия, вся моя семья десять поколений хранила эту колыбельную, как святыню. Как доказательство, что мы — настоящие, прежние, неизменные. А оказалось, что и мы — просто другая версия одного и того же эксперимента, только версия, в которой что-то не докрутили.

Аэлия долго молчала, глядя не на него, а куда-то вглубь тёмного зала.

— Знаешь, а я всю жизнь стеснялась своей семьи, — сказала она наконец. — Мои родители — хранители трав, гордые до невозможности. Для них человеческая техника — это грязь Старого мира, а я вечно торчу в твоей мастерской, копаюсь в железе, будто мне мало собственной, чистой, правильной эльфийской жизни. Я думала, что чем-то отличаюсь от них. Хуже я, или лучше — не важно, главное, что отличаюсь.

— И что теперь?

— А теперь оказывается, что разницы никогда и не было. Я не хуже и не лучше своих родителей, потому что мы с ними — то же самое, что мы с тобой. Один и тот же материал, просто по-разному использованный.

Она вдруг тихо, невесело рассмеялась.

— Знаешь, что самое смешное? Тэлан всю жизнь называл вас, людей, «недоделанными нами». А оказывается, недоделанные — это мы. Просто в другую сторону.

— Не рассказывай ему об этом, — так же тихо усмехнулся Кай. — А то он либо умрёт от разрыва сердца, либо объявит войну самому себе.

Это была первая за вечер шутка, и оба почувствовали, до чего сильно в ней нуждались — не потому, что смешно, а потому, что после долгого напряжения смех работает как выдох, без которого нельзя вдохнуть заново.

— Кай, — сказала Аэлия уже серьёзнее, помолчав. — А что, если мы — ты и я — на самом деле не такие уж разные, как думали все вокруг? Может, поэтому мне всегда было легче с тобой, чем со своими.

Кай посмотрел на неё — по-настоящему посмотрел, кажется, впервые за весь этот долгий, тяжёлый день.

— Может, и поэтому, — сказал он тихо. — А может, просто потому, что ты — Аэлия, а я — Кай, и дело не в народах вообще, а в том, что нам двоим спокойно молчать рядом, даже когда весь мир только что перевернулся.

Она не ответила, но пересела чуть ближе — не вплотную, но достаточно, чтобы их плечи соприкоснулись. Так они и просидели ещё какое-то время: не говоря больше ничего, слушая тишину подземного клуба, в которой давно умолкла музыка, но, кажется, впервые за тысячу лет снова кто-то её слушал.

Лиор, так и не открывший глаз, позволил себе едва заметную улыбку. Он смотрел на них — вернее, слушал, потому что глаза так и не открыл, — и впервые за долгий вечер не чувствовал никакой нужды вмешиваться, что-то объяснять или чего-то бояться. Мире в эту ночь снилась музыка — не та колыбельная, не мелодия из проигрывателя, а что-то совсем другое, без слов и без формы, будто где-то очень глубоко под землёй тихо гудела огромная струна. Утром она не вспомнит ни звука, только смутное, необъяснимое ощущение, что всю ночь что-то тихо пело для неё одной.

В эти же самые часы, далеко наверху, на пятидесятом этаже башни «Меридиан», где ещё пахло вчерашней брагой и потухшими факелами праздника, гонец Тэлана, обгоняя рассвет, добрался наконец до реки. Отделившиеся семьи, разбуженные среди ночи, слушали его молча. Старик Гаврило дослушал до конца, не проронив ни слова, затем медленно поднялся, взял со стены свою костяную свирель — ту самую, с которой не расставался даже во сне, — и, не говоря ни слова, убрал её в дальний сундук, туда, где хранил вещи, которые не собирался доставать в ближайшее время.

Глава 16. Дверь

Мира проснулась раньше остальных — не от звука, а от его отсутствия. Всю ночь ей снилось что-то похожее на музыку без мелодии, а сейчас, открыв глаза в полумраке подземного клуба, она вдруг поняла, что этот звук никуда не делся. Он просто перестал быть сном.

Она села, прислушиваясь. Сумрак уже не спал — его уши стояли торчком, а нос был направлен туда же, куда вчера, в сторону тёмного коридора за барной стойкой. — Вы тоже это слышите? — тихо спросила Мира, будя остальных не словами, а самим фактом того, что не спала одна.

Аэлия открыла глаза первой, всё ещё сидя плечом к плечу с Каем, и на мгновение оба явно не сразу вспомнили, где находятся и почему так близко друг к другу. Лиор не спал вовсе — просто лежал с закрытыми глазами, и по тому, как быстро он поднялся, стало ясно: он тоже слышал звук всю ночь, просто не подавал вида.

— Слышу, — сказал он коротко.

Звук был едва различим — не громче шелеста сухого листа, но какой-то на удивление плотный, будто сотканный из множества тонких нитей одновременно. Он то усиливался, то почти пропадал, а Кай, прислушавшись внимательнее, заметил странность: звук становился отчётливее не тогда, когда они молчали, а тогда, когда кто-то из них двигался в сторону коридора.

— Он реагирует на нас, — сказал он тихо. — Не на тишину. На движение к нему.

Лиор промолчал, но лицо его — обычно ровное, как поверхность лесного озера — на этот раз выдавало напряжение, с которым он не мог справиться, как ни старался. Он шёл первым, и с каждым шагом его плечи снова опускались, точно так же, как во время пути через Старый город, только теперь этот груз казался куда тяжелее. Коридор за барной стойкой оказался длиннее, чем выглядел накануне. Стены здесь были гладкими, без единой трещины, — Кай провёл по одной из них рукой и удивлённо отёрнул пальцы.

— Тёплая, — сказал он. — Не холодная, как весь остальной бетон. Тёплая, как кожа.

— Это не бетон, — тихо ответил Лиор, не оборачиваясь. — Во всяком случае, больше не бетон.

Метров через тридцать коридор упёрся в массивные двери из матового стекла — таких Аэлия ещё не видела: не ржавых, не потрескавшихся, а идеально гладких, будто их установили вчера. Звук здесь был громче всего — то самое плетёное, многослойное пение, теперь уже отчётливо различимое как множество отдельных, едва слышных голосов, сливающихся в один.

— Это те же двери, что вчера светились на записи? — спросила Мира.

— Не знаю, — ответил Лиор, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на страх, а не на усталость. — Я не был в этой части здания. Тысячу лет назад сюда пускали не всех.

Кай подошёл к панели рядом с дверью — гладкой, тёмной, без единой кнопки на первый взгляд.

— Электронный замок, — сказал он, проведя ладонью над поверхностью. — Судя по всему, реагирует на присутствие. Только вот на чьё? Он приложил ладонь к панели. Ничего не произошло — ни звука, ни света, лишь лёгкое сопротивление стекла под пальцами, будто оно было живым и просто не заметило прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.